

В Гражданскую войну деревня Каракшино оказалась на линии фронта: на одном берегу реки — красные, на другом — белые. Когда начался бой, мать испугалась и всех пятерых ребятишек затолкала (да нет, зашвырнула как котят!) в подпол. Главное, чтобы живыми остались! Кто-то шишками и царапинами отделался, а Пётр сильно повредил ногу. Может быть, даже и сломал, а перелом неправильно сросся. В итоге он всегда прихрамывал, и это в какой-то мере определило его судьбу, скорректировав его планы в пользу более непосредственных занятий, рисования например.

В 1990-е годы в интервью он говорил, что очень любил рисовать в детстве. Бумаги не было, карандашей тоже, поэтому рисовал углём на дровах! В изокружке при Дворце культуры Лысьвы всё было; с тех пор простым карандашом на обычной бумаге Пётр Оборин может изобразить всю вселенную — и видимый и невидимый мир.

Окончив школу, он остался работать во Дворце культуры Лысьвы помощником художника. А спустя несколько лет его университетом стал Пермский художественный техникум, а первой работой — клуб завода №19 им. Сталина, второй — краеведческий музей.

О том, как для него началась война, Пётр Оборин записал в дневнике: «20 июня 1941 года я получил в музее отпуск. 22-го мы с Мишой Косинским сидели у меня на террасе. Я писал с него этюд. Мы собирались идти за билетами в Москву поступать в институт

брали правление. Наконец-то «свергли гнёт» и почувствовали себя как-то лучше. В состав правления вошёл и я».

С тех пор он — правильно сказать — пахал. «Началась бесконечная работа по наглядной агитации», — писал он. Он брался за всё: писал портреты кизеловских шахтёров, делал эскизы игрушек, написал несколько панно для будущей экспозиции музея, оформляя городской сад к Новому году...

Это где-то в других мирах художники ждут вдохновения, в Молотове-Перми живописцы работали с полной отдачей сил, как шахтёры. К тому же Пётр Оборин был коммунистом, и партия всегда посыпала его решать свои идеологические задачи. Художник охотно

ЭТО ГДЕ-ТО В ДРУГИХ МИРАХ ХУДОЖНИКИ ЖДУТ ВДОХНОВЕНИЯ, В МОЛОТОВЕ-ПЕРМИ ЖИВОПИСЦЫ РАБОТАЛИ С ПОЛНОЙ ОТДАЧЕЙ СИЛ, КАК ШАХТЁРЫ

откликался, но природная честность и порядочность, чувство стиля в конце концов, не давали ему уютно встроиться в парадигму и жить, «стригя» купоны с «Первого успеха». Более того, в конце 1980-х в своём дневнике он свою работу в партии назвал «невольницей».

Вот запись в его дневнике от 24 сентября 1955 года: «Получил из Москвы командировку для работы в деревне на два месяца (3000 руб.). Поверил газетам, что горожане едут на село, и решил писать картину «Горожане — колхозные новосёлы». [...] В «новосёлах» разочаровался — шум был зряшний».

БУМАГИ НЕ БЫЛО, КАРАНДАШЕЙ ТОЖЕ, ПОЭТОМУ РИСОВАЛ УГЛЁМ НА ДРОВАХ!

(работы приготовили). Вдруг на улице закричали: «Война! Молотов говорит!» Мы кинулись к радио, Миша побежал домой — повестка. Так рухнули наши надежды».

Дочери Петра и Галины Обориных к этому времени было чуть менее двух лет.

18 декабря 1942 года в его дневнике записано: «Сегодня закончилась конференция членов союза художников, которая продолжалась три дня. Переиз-

А вот что он пишет в июне 1962 года: «По радио идеологические шабашники творят духовную баланду».

Оборин вообще был остр на язык. Так, однажды он написал: «Посмотрел выставку «Прикамье индустриальное». Впечатление: ни Прикамья, ни индустрии».

Самое сложное время жизни Петра Оборина, по всей видимости, началось после смерти жены Галины Обориной в 1969 году. Она была его стержнем. Но-

вой брак, заключённый в 1973 году с Татьяной Сесюниной (1921–1999), закончился разводом. Она ушла к художнику Олегу Коровину. В марте 1984 года Пётр Оборин писал: «По телефону сказал Зырянову (парторг) о разводе. Смеётся: оказывается, все давно знают. Коровин под хмельком похвастался».

Начался же нисходящий тренд много раньше. Лаконичная запись от 15 сентября 1970 года слишком многое говорит посвящённому читателю: «День рождения. Омрачил день художественный совет — не принял сказки». Не принять сказки — значит оставить художника без денег. Сделать это в день рождения — почерк «особых» людей. Их тогда в руководстве было много.

ЭТО ГДЕ-ТО В ДРУГИХ МИРАХ ХУДОЖНИКИ ЖДУТ ВДОХНОВЕНИЯ, В МОЛОТОВЕ-ПЕРМИ ЖИВОПИСЦЫ РАБОТАЛИ С ПОЛНОЙ ОТДАЧЕЙ СИЛ, КАК ШАХТЁРЫ

Тогда же, в 1970-е годы, Пётр Оборин после конфликта с соседом по мастерской сжёг часть своих картин. В 1990-е годы, вспоминая об этом, не выразил сожаления, только сказал, что холсты, написанные маслом, очень долго горят — три дня.

Про то, как нехорошо обошлись с Обориным, пишет и художник Александр Репин в своих письмах: за год до пенсии (1976–1977 годы) старейший художник Перми не получал заказов — не давали! А значит, не имел заработка, что печальным образом отразилось на размере его пенсии.

Но слава богу, есть друзья, как пелось в песне того времени.

Пётр Оборин очень дружил с писателем Алексеем Домниным (1928–1982). У них были свои особые отношения. «Гойё ты моё, Ван-Гог твою Мане», — так Домнин ругался на Оборина.

Приятельствовал со Львом Кузьминым: по крайней мере, новый, 1971 год встречали в Голованово у Кузьминых. «Пировали в лесу на снегу у ёлки», — пишет Оборин. С Олегом Коровиным тоже сильно дружил. Кто ж знал, что так выйдет.

Но главным его другом была дочь, а рефреном в дневнике фраза: «Одно утешение: «Мы сами не знаем, в чём наша польза».